

МАТЕРИНСКИЙ РОД У КОЛЫБЕЛИ: МАТРИЛОКАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Светлана Адоньева – д. ф. н., филолог, антрополог, профессор СПбГУ, директор АНО «Пропповский Центр: гуманитарные исследования в области традиционной культуры».

Иногда положения и формы описания бесписьменных обществ – эндо и экзогамия, фратрии и кланы, возрастные классы позволяют различить формы организации современных обществ, к которым такие формы обычно не применяются.

Например, рассмотрение крестьянской культуры через призму опыта и норм половозрастных групп позволило увидеть различия в возрастных сценариях и динамику переходов индивидов от одного возрастного сценария к другому. А также позволило увидеть изменения в возрастных сценариях, которые происходили в деревенской России в XX веке.

Цель этой статьи – рассказать о системах родства, а именно

матрилокального и патрилокального принципов линиджа применительно к истории российского социального мира XX века.

Линидж – наиболее распространённая в архаических обществах форма устройства родственных объединений, имеющих либо отцовскую, либо материнскую филиацию. Патрилинейность и связываемая с ней патриархальность – счет происхождения и наследования по отцовской линии. Замечу сразу, русские личные имена удерживают именно такой тип связи: в полном имени мы указываем имя отца (патроним). Матрилинейность – счёт происхождения и наследования по материнской линии. Согласно концепции Иогана Бахофена¹, которая, благодаря Энгельсу, использовавшему ее в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» была в СССР общепринятой, матрилинейность – одна из важнейших особенностей эпохи материнско-родового строя. Матрилинейность – основной принцип организации людей в материнский род как социально-экономическую единицу общества. Приведу выдержку из статьи Энгельса:

«Изучение истории семьи начинается с 1861 г., когда вышла в свет работа Бахофена «Материнское право». Автор выдвинул в этой работе следующие положения: 1) у людей первоначально существовали ничем не ограниченные половые отношения, которые он обозначает неудачным выражением «гетеризм»; 2) такие отношения исключают всякую возможность достоверно установить отца, и поэтому происхождение можно было определять лишь по женской линии – согласно материнскому праву, – как первоначально это и было у всех народов древности; 3) вследствие этого женщины как матери, как единственные достоверно известные родители молодого поколения пользовались высокой степенью уважения и почета, доходившей, по мнению Бахофена, до полного господства женщин (гинекократии); 4) переход к единобрачию, при котором женщина принадлежала исключительно одному мужчине, таил в себе нарушение древнейшей религиозной заповеди (то есть факти-

¹ *Das Mutterrecht: eine Untersuchung über die Gynaiokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur.* Stuttgart: Verlag von Kraiss und Hoffmann, (1861).

чески нарушение исконного права остальных мужчин на эту женщину), нарушение, которое требовало искупления или допускалось при условии выкупа, состоявшего в том, что женщина в течение определенного времени должна была отдаваться посторонним. Доказательства этих положений Бахофен находит в многочисленных, с исключительной тщательностью собранных цитатах из классической литературы древности. Развитие от «гетеризма» к моногамии и от материнского права к отцовскому происходит, по его мнению, – в частности у греков, – вследствие дальнейшего развития религиозных представлений, вследствие водворения новых божеств, представителей новых воззрений, в традиционную группу богов, олицетворявшую старые взгляды, так что последние все более и более оттесняются на задний план первыми. Таким образом, не развитие действительных условий жизни людей, а религиозное отражение этих условий в головах тех же людей вызвало, по Бахофену, исторические изменения во взаимном общественном положении мужчины и женщины».²

Как мы видим, в концепции Бахофена Энгельса не устраивали только причины перехода от матриархата к патриархату. Он объяснял этот переход не идеологией, но социально-экономической практикой. С тех пор матриархат, по общераспространенному мнению, – одна из форм догосударственной организации обществ³. Появление государств связывают с институтом патриархата и патрилокального линиджа.

Как я полагаю, советский уклад, правовые нормы и идеология обеспечили сдвиг в социальной системе родства, в частности в нормах филиации: от патрилокальности к матрилокальности. Если до революции ребенок приходил в род отца, то к 1970-м годам у его колыбели стоит род матери.

Решение о появлении младенца в 1950–1980 годы советские

2 Маркс К., Энгельс Ф.: Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1986. С. 28.

3 Шепталин А. А. Генезис и становление института наследования в родовом обществе // Genesis: исторические исследования. 2019. № 10. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.10.29223 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29223

молодые женщины принимали, опираясь на мнение своей семьи, и особенно – матери. Это происходило еще и потому, что они рассчитывали на поддержку матерей в заботе о ребенке много больше, чем на поддержку отца ребенка и его родительской семьи. Полагаю, что здесь проходит граница между старой патрилокальной нормой, которую мы наблюдаем в деревенской России до конца 1960 годов⁴ и новой матрилокальной нормой.

Немного истории. Мужчины дореволюционной России (дворяне, крестьяне, мещане, разночинцы и т. д. вне зависимости от сословия) получали от родительской семьи долю семейного имущества, когда женились и «выделялись» (сразу после женитьбы или позже, с появлением детей). Женщины входили в род мужа со своим вкладом – приданым. Жизненные уклады сословий Российской империи различались очень сильно. Но было то, что их объединяло: патриархальность (главенство старшего мужчины в семье) и патрилокальность (норма брачного поселения, при которой молодожены живут там, где живет отец мужа). А также порядок передачи имущества (собственности): старшие в роде наделяли младших, следующее поколение, «добром» на условиях, определенных правом и обычаем. Недвижимая собственность («родное пепелище») связывала поколения одного отеческого рода. А браки, посредством которых имущество перемещалось от одного рода к другому, обеспечивали связь родов и способствовали сплоченности сообщества. Становой нитью социальной ткани российских сословий служили мужские роды, утком – перемещение женщин из родительского рода в род мужа. Родительская семья была основным донатором, который обеспечивал мужчину имуществом, дабы он мог стать полноправным членом общества. Женщину во всех сословиях семья обеспечивала имуществом (приданым), которое она вносила в дом мужа и тем самым обретала достойное положение в его семье.

4 Адоньева С. Б., Олсон Л. Интимные практики женской иерархии // Уведи меня, дорога. Сб. памяти Т. А. Бернштам.

Порядок семьи и наследования, как и весь социальный порядок в целом, изменил 1917 год. Первыми декретами советской власти были декреты об отмене собственности и декреты о семье. Было провозглашено освобождение от патриархальности. «Первичными ячейками» нового общества были объявлены коллективы. Началось глобальное изменение социального порядка и в том числе порядка семьи. Во-первых, общество перестало быть патрилокальным по закону. Как было указано в декрете, «запись о рождении ребенка составляет тем же отделом браков и рождений по месту пребывания матери»⁵. Во-вторых, инициатива брака, прежде исходившая от семьи жениха и определявшаяся интересами родительских семей и всего сообщества, теперь перемещалась в руки будущей жены. С того времени и до сегодняшнего дня брак считается совершаемым в интересах женщины и ее детей (см. статью 38 современной Конституции России). В-третьих, советская власть объявила брачный выбор свободным от родительской воли, тем самым отменялся воспроизводимый посредством брака порядок подчинения младших старшим и основанный на нем порядок наследования. Отмена частной собственности привела к уничтожению материальной основы института семьи. Проект социальной жизни, внедрявшийся в первые годы советской власти, – с коммунарами, свободными браками, фабриками-кухнями, мужским и женским товариществом – просуществовал недолго. Его сменил сталинский патерналистский проект: была выстроена властная вертикаль с «отцом народов» во главе. Все население становилось братьями и сестрами, равными в своей лояльности и преданности Главе государства и его субститутам «на местах». Но вместе с тем положение дел (массовые переселения, как насильственные, так и стихийные; пополнение убывающих репрессиями городов выходцами из деревень и коммунальный быт) требовало особых практик повседневной жизни. Неразличимые на уровне официальной

5 Ст. 160. Декрет о гражданском браке, детях и книгах актов гражданского состояния // Собр. узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 162.

речи, родственные связи обеспечивали выживание: родственники и свойственники помогали трудоустроиться и «прописаться», принимали осиротевших в свои семьи и т. д.

Население СССР должно было стать единой социальной общностью, советским народом, с вариациями по характеру занятий и территории расселения. Прошедшее через горнило коллективизации крестьянство, в середине 1920-х годов все еще составлявшее более 80% от общей численности населения, к концу 1950-х годов уменьшилось вдвое. Пережившие поражение в правах и террор «бывшие» сословия (купечество, дворянство, духовенство) растворились среди горожан: «рабочих и интеллигенции». Вся эта сложная масса должна была уложиться в два класса – рабочих и крестьян и «прослойку» интеллигенции, которые должны были составить единую общность «советский народ». «Первичной ячейкой» этой общности в конце пятидесятых годов вновь была назначена семья, а не коллектив, как было принято первыми декретами советской власти. Но теперь она представляла собой конструкцию, состоящую из мужа, жены и их детей⁶. Но так было по закону. Жизнь в городах представляла мало возможностей для жизни такой семьи. Демография послевоенного Ленинграда дает такую картину: в конце 50-х годов миграционный поток (по сравнению с 1958 г.) вырос почти в 8 раз. В то время как до войны большую часть мигрантов составляли сельские жители (75,2 % в 1940 г.), в начале 50-х гг. среди них уже преобладали горожане (1954 г. – 51,5 %, в 1955 г. – 53,3 %). В основном эти люди прибывали из Ленинградской, Калининской, Новгородской, Псковской, Ярославской областей. Среди мигрантов доминировала молодежь. Многие приезжали для поступления в учебные заведения. Значительную часть составляли молодые люди, направляемые на предприятия. Заметное место в 40-е и начале 50-х гг. принадлежало девушкам и женщинам, нанимавшимся домра-

6 В указанной выше работе, которую должны были читать и конспектировать все советские школьники, Энгельс указывал на то, что только появление парной семьи свидетельствует о наступлении эпохи цивилизации, семьи-роды были им отнесены к периоду варварства.

ботницами. В те годы это был один из возможных каналов бегства из колхозов, своеобразное промежуточное звено между колхозом и предприятием.⁷ Таким образом город заполнялся молодыми людьми, отрывавшимися от своих старших. Те, кто учился или работал на государственных предприятиях, жили в общежитиях. Те, кто приезжал работать няньками и домработницами, жили у своих нанимателей. А. С. Ваксер приводит показатели рождаемости того времени: «С 1951 г. по 1955 г. рождаемость почти стабилизировалась, составив в 1955 г. 14,8 на 1000 ленинградцев. С 1956 г. по 1960 г. вновь произошло понижение: до 13,6–13,0 (в 1959 г.), однако объяснить этот спад ухудшением жизненных условий невозможно. Демографы того времени, констатируя падение рождаемости, пытались связать его с увеличением аборт. Действительно, рост аборт был налицо. В 1940 г. – 42,4 тыс., в 1950 г. – 44,7 тыс., в 1955 г. – 76,9 тыс., в 1956 г. – 130,3 тыс., 1957 г. – 138,9 тыс., 1959 г. – 159,4 тыс., 1960 г. – 167,0 тыс. В 1959 г., как указано выше, было зарегистрировано 159,4 тыс. аборт, а в 1964 г. – 171119. В этом же году учли 43,2 тыс. родов. В общей сложности условно было зарегистрировано 214,4 тыс. беременностей. Из них только у 20,1% женщин родились дети. Аборт в СССР были запрещены в 1936 г. В 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября запрещение аборт было отменено. В 1957 г. упразднили налог на холостяков и малодетные семьи»⁸.

Отношение числа беременностей к числу рожденных детей (данные 1964 года – только пятая часть женщин сохранила беременность), позволяет представить жизнь женщин, которые приехали в города, покинув свои родительские деревенские семьи.

В 1965 году на экраны страны выходит фильм «Женщины»

7 Ваксер А. З. *Население Ленинграда в послевоенные годы (1945-1965)* // РОССИЯ В XX ВЕКЕ / к 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, профессора Валерия Александровича Шишкина (Санкт-Петербург, 2005) <https://secrethistory.su/1628-naselenie-leningrada-v-poslevoennye-gody-1945-1965.html>

8 Там же.

(1965). Режиссер Павел Любимов по одноименному рассказу Ирины Велембовской (был опубликован в 1963 году в журнале «Знамя»). В центре событий фильма – жизненный путь трёх женщин разных поколений. Тема одинокого материнства так или иначе касается всех трёх героинь. Старшая, Екатерина Тимофеевна Беднова растит сына одна: из первых кадров (проводы на фронт) мы понимаем, что она овдовела во время войны. Вторая – Дуся Кузина – приезжает в начале пятидесятых из деревни в город, работает нянькой, случайно знакомится с Екатериной Тимофеевной, которая селит её у себя и помогает устроиться работать на фабрику. Через некоторое время Евдокия начинает встречаться с рабочим Юрием. Их отношения заканчиваются беременностью. Дуся делает аборт. Об этом зритель узнает из эпизода в больничной палате. Ее навещает Екатерина Тимофеевна. Слово аборт не произносит ни та, ни другая, пользуются эвфемизмами. «Да разве так можно? Если любишь его, так родила бы...» – укоряет Евдокию Екатерина Тимофеевна. Евдокия говорит о том, что детей у неё уже не будет. Третья героиня – девушка Аля (Алевтина) Ягодкина из Дусиной деревни. Она хочет уехать с Виктором – городским парнем, приехавшим в деревню в командировку. Мать уговаривает дочь и Виктора сначала оформить свои отношения. Виктор соглашается, но появляется только через два месяца. Алевтина прогоняет его и признаётся матери в том, что беременна.

Диалог между Алей и ее матерью строится на умолчаниях и укоризне.

Мать советует не печалиться о расставании: «Да таких женихов в базарный день пятачок». Потом спрашивает: «Алька, детенок, что ты? Может, было у вас что? Павел, Павел! – обращаясь к портрету мужа, погибшего на войне. – Беда с дочкой нашей. Не уберегла я Альку-то...- после паузы, – ну значит, к Паске. Кого ждать-то будем – парня? Девку?»

«Мальчика...»

«Парень-то лучше. Он тебе такого гостинца не поднесет».

Секс, беременность, аборт в речи отсутствуют. Мать саркастически называет ребенка подарком, который может принести только дочь, но не сын. Называет сексуальную жизнь и беременность дочери бедой, от которой она ее не уберегла. Через год после рождения сына мать Алевтины просит приехавшую в отпуск Евдокию устроить её дочь на ту же фабрику. У матери-одиночки будущего в деревне нет. Алевтина едет с Евдокией в город, а сына оставляет с матерью.

Екатерина Тимофеевна, которая уже руководит фабричным профсоюзным комитетом, случайно узнаёт, что Евдокия держит Алевтину в ученицах больше положенного и к тому же берёт с неё плату за жильё. Екатерина Тимофеевна начинает опекать Алевтину, приглашает её к себе домой на встречу Нового года, где та знакомится с ее сыном-студентом Евгением. Они начинают встречаться, но Аля не сообщает Евгению о том, что у неё есть ребёнок. Мать против отношений единственного сына с матерью-одиночкой и рассказывает сыну о ребёнке Алевтины. Но Евгений не собирается отказываться от Али. Воспользовавшись отъездом сына на практику, Екатерина Тимофеевна требует от Али, чтобы та отказалась от отношений с ее сыном: мать-одиночка парню-студенту не пара. Аля уходит с фабрики и возвращается в деревню. Евдокия обличает Екатерину Тимофеевну, та понимает, что поступила несправедливо. Она едет в деревню, где у колодца встречает пожилую женщину с мальчиком и догадывается, что это мать Алевтины и её сын.

Фильм в кинотеатрах посмотрели 36 миллионов человек, он многократно был показан по телевидению. Песня из него – «Старый вальсок» (музыка Яна Френкеля) – надолго стала хитом.

Молодые женщины в послевоенное время уезжают в город, так как там есть жизненные перспективы. Выбирают городских парней, так как брак с ними открывает перспективы. Но такой отъезд делает женщин уязвимыми. Повышает ее устойчивость и возможность делать собственную карьеру ее семья, готовая принять на себя заботу о ее детях, когда она занята на производстве или учебе.

Фильм очень точно передает установки того времени. Женщина рассчитывает на коллектив и государство, когда растит ребенка одна (первая героиня), рассчитывает на свою мать, когда уезжает в город на работу (третья героиня). Вторая героиня, разорвавшая связи со своей деревенской семьей и не всегда добросовестная по отношению к государству, остается бесплодной вследствие неудачного аборта.

В дореволюционной семье мужчина был заинтересован в женитьбе сына по ряду причин. В крестьянской семье появлялась еще одна работница (молодка). Ее будущие сыновья увеличат общесемейный надел (община делит свои земли из расчета мужских душ в домохозяйствах). В купеческой семье за счет женитьбы увеличивались связи-гарантии, приходил капитал (приданое), отец мог выделить часть своего бизнеса в отдельное дело. В дворянской семье появлялась возможность передать земли в наследство и продолжить свой род и удержать фамильное родовое поместье.

В 1917 году институт семьи был лишен материальной основы. Всеобщее равенство строителей коммунизма хрущевской эпохи окончательно отменяло возрастную иерархию. Борьба с патриархальностью двадцатых годов привела к ликвидации власти отцов в тридцатые. А также, в значительной мере, – к физической ликвидации мужчин этого поколения. Их место в тридцатые и сороковые годы заняли старшие женщины. Объявление всех советских людей «друзьями и товарищами» лишило власти и их. Невестки бунтовали против власти свекровей, поскольку на равных были включены в класс «матерей». Для людей моего поколения конфликт невесток и свекровей представлялся явлением архетипическим.

О том, что на практике советская семья хранила свойства семьи-рода, свидетельствуют свадебные фотографии. Рамой для молодоженов, наряду с «представителями коллективов», служил и продолжает служить круг родства и свойства. Неразличимые для внешнего взгляда узы, связывающие «сватов», а также родственников третьей и четвертой степени родства, а также их жен, мужей и их кровных родственников прони-

зывали города и деревни, охватывали огромные расстояния. Невестки и золовки, снохи и свояченицы, тетушки и дядья, шурины и деверья, оставаясь казусом устной речи, составляют родственный круг – большую семью. Впервые встретившись и познакомившись за свадебными столами, над поддержанием этого круга трудились все: отправляли открытки к праздникам, принимали в гости и посылали гостинцы, собирались все в месте по случаю большого торжества и большого горя.

У советского человека было три семьи: две из них были предписаны государством: *трудоустрой коллектив* и муж-жена-дети. Третья семья – большой родственный круг – сохранялась как форма скрытой лояльности, но и в этом кругу произошли изменения. Женщины оставались лояльными родительской семье и после брака, и после рождения детей. Ломают отношения с патриархальными установками прошлого, женщины создавали матрилокальные системы доминирования.

Д. С. Лихачев, рассказывая о трудностях перевода русской речи на иностранные языки, в частности, отметил те сложности, которые возникли в связи с переводом одного из причитаний Федосовой: «Я опять, горе-бедна, кинулась, За друга сына да за отцовского»... «Француза спрашивает: «Что же это значит: она вышла за брата своего мужа?» Я говорю: «Да нет, просто это такое выражение, Федосова хочет сказать, что у ее второго мужа тоже был отец». Франсуаза еще больше удивляется: «Но разве не у каждого человека есть или был отец?»».⁹

В конце XX века было уже трудно объяснить, почему для деревенской женщины указание на то, есть ли у мужчины отец или же он «безотцовщина», является очень важным: отецкий сын был воспитан отцом-большаком (патриархом) и готов стать таковым в свое время. За отцовским сыном стояла полноценная большая семья и опыт отца-большака, который он освоил.

За материнским родом советских женщин 1970-х и позже сто-

9 Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 420.

ял опыт их матерей: взыскивание алиментов с отцов, сиротство и раннее вдовство, расчет на государство и помощь родительской семьи. Матрилокальность и патронаж матерей матерей (бабушек по материнской линии) – данность уклада современной России. Мне хотелось показать, что, во-первых, эта данность обеспечена историей советского периода, а не «преданием старины глубокой». Во-вторых, явление матрилокальности делает более сложной, не бинарной, современную гендерную повестку.